

УДК 13:159.923.2

ЛИМОНЧЕНКО Вера – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии имени профессора Валерия Григорьевича Скотного, Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко, 24, ул. Ивана Франко, г. Дрогобыч, Львовская обл., Украина, индекс 82100 (limonchenko57@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4770-7199>

DOI: <https://doi.org/10.24919/2522-4700.42.11>

Библиографическое описание статьи: Лимонченко В. (2021). Становление Я как аналогия индивидуального и апология всеобщего. *Человековедческие студии: сборник научных трудов Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко. Серия «Философия»,* 42, 163–182, doi: <https://doi.org/10.24919/2522-4700.42.11>

СТАНОВЛЕНИЕ Я КАК АНАЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И АПОЛОГИЯ ВСЕОБЩЕГО

Аннотация. Цель. В статье рассматривается становление индивидуального Я как уникальной индивидуализации всеобщего, при этом наиболее проблемно основание единственной неповторимости личности, конституирование которой в реальном историческом времени происходит как бегство от всеобщего и реализуется в форме конкурентной борьбы с миром и с другими людьми. **Методология.** Посредством критико-аналитической экспликации интеллектуальных средств этих проектов и сравнительного анализа их в свете традиционных для философии проблем осмысления природы и свободы человека выявляется натуралистический редукционизм и обосновывается значимость активности человека. В центр попадает проблематика способа мышления, взятого не в инструментально-технологическом измерении, но в антропологическом ключе. **Научная новизна.** Выделяются две интенции – в реальный мир за пределы самого себя, и самосознание – рефлексивное движение, обращенное на самого себя, но именно это противоречивое и обоюдоострое движение является порождающим для Я. Ф.Т. Михайлов ставит в центр феномен обращения, существенные параметры которого интерпретируются как встречное

движение деятельности и общения, в силу чего обосновывается установка деятельностного персонализма, когда активный залог действия, направленного предметно, оборачивается страдательным залогом действия беспредметного, когда действие претерпевается на себе и в себе – Я не фиксируется в качестве предмета, поскольку не «пред-стоит», а объемлет, именно конституирование объемлющего мир Я выдвигает в центр феномен образования как заботу о детстве. **Выводы.** Логика конкурентной борьбы с миром, делающая акцент на индивидуальной уникальности, заводит в тупик бессилия – индивидуализированное Я возможно как обращение ко всеобщему: как возобновление и возрождение опыта классического наследия мысли и чувства, как ответственность каждого за общую судьбу и искоренение опыта зла и ненависти, удерживаемых, по Г.В.Ф. Гегелю, на острие единичности.

Ключевые слова: Я, индивидуализация, всеобщее, образование, детство.

ЛИМОНЧЕНКО Віра – доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії імені професора Валерія Григоровича Скотного, Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, 24, вул. Івана Франка, м. Дрогобич, Львівська обл., Україна, індекс 82100 (limonchenko57@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4770-7199>

DOI: <https://doi.org/10.24919/2522-4700.42.11>

Бібліографічний опис статті: Лімонченко В. (2021). Становлення Я як аналогія індивідуального й апологія загального. *Людинознавчі студії: збірник наукових праць Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія «Філософія»*, 42, 163–182, doi: <https://doi.org/10.24919/2522-4700.42.11>

СТАНОВЛЕННЯ Я ЯК АНАЛОГІЯ ІНДИВІДУАЛЬНОГО Й АПОЛОГІЯ ЗАГАЛЬНОГО

Анотація. Мета. У статті розглядається становлення індивідуального Я як унікальної індивідуалізації загального, водночас найбільш проблемною є підстава єдиної неповторності особистості, конституювання якої в реальному історичному часі відбувається як втеча від загального і реалізується у формі

конкурентної боротьби зі світом і з іншими людьми. **Методологія.** За посередництва критико-аналітичної експлікації інтелектуальних засобів цих проєктів і порівняльного аналізу їх у світлі традиційних для філософії проблем осмислення природи і свободи людини виявляється натуралістичний редуціонізм, обґрунтовується значущість активності людини. У центр потрапляє проблематика способу мислення, взятого не в інструментально-технологічному вимірі, але в антропологічному ключі. **Наукова новизна.** Виділяються дві інтенції – у реальний світ за межі самого себе, і самосвідомість – рефлексивний рух, звернений на самого себе, але сам цей суперечливий і двосічний рух є таким, що породжує Я. Ф.Т. Михайлов ставить у центр феномен звернення, сутнісні параметри якого інтерпретуються як зустрічний рух діяльності та спілкування, через що обґрунтовується настанова діяльнісного персоналізму, коли активний стан дії, спрямованої предметно, обертається пасивним станом дії безпредметної, коли дія перетерплюється на собі і в собі – Я не фіксується як предмет, оскільки не «стоїть перед» як предмет, а охоплює і саме конституювання Я, що охоплює світ, висуває в центр феномен освіти як турботу про дитинство. **Висновки.** Логіка конкурентної боротьби зі світом, що робить акцент на індивідуальній унікальності, заводить у глухий кут безсилля – індивідуалізоване Я можливе як звернення до загального: як відновлення і відродження досвіду класичної спадщини думки і чуттів, як відповідальність кожного за спільну долю і використання досвіду зла і ненависті, які утримуються, за Г.В.Ф. Гегелем, на вістрі одиничності.

Ключові слова: Я, індивідуалізація, загальне, освіта, дитинство.

LIMONCHENKO Vira – Doctor of Philosophy; Professor, Professor at the Philosophy Department named after Valeriy Skotnyi, Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University, 24, Ivan Franko str., Drohobych, Ukraine, Lviv region, postal code 82100 (limonchenko 57@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4770-7199>

DOI: <https://doi.org/10.24919/2522-4700.42.11>

To cite this article: Limonchenko, V. (2021). Stanovlennia Ya yak anahohiia indyvidualnoho ta apolohiia zahalnoho [Becoming I am as anagogy of the individual and the apology of the universal]. *Liudynoznavchi studii:*

zbirnyk naukovykh prats Drohobyt'skoho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu imeni Ivana Franka. Seriiia "Filosofia" – Human Studies. Series of "Philosophy": a collection of scientific articles of the Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University, 42, 163–182, doi: <https://doi.org/10.24919/2522-4700.42.11>

BECOMING I AM AS ANAGOGY OF THE INDIVIDUAL AND THE APOLOGY OF THE UNIVERSAL

Summary. The purpose. *The article considers the formation of the individual self as a unique individualization of the universal, while the most problematic is the foundation of the unique individuality of the person, the constitution of which in real historical time occurs as an escape from the universal and is implemented in the form of a competitive struggle with the world and with other people. Methodology.* *Through the critical-analytical explication of the intellectual means of these projects and their comparative analysis in the light of the traditional philosophy problems of understanding the nature and freedom of man, naturalistic reductionism is revealed and the significance of human activity is substantiated. The focus is on the problem of the way of thinking, taken not in the instrumental-technological dimension, but in the anthropological key. Scientific novelty.* *Two intentions are distinguished – into the real world beyond oneself, and self-awareness is a reflexive movement directed toward itself, but it is this contradictory and double-edged movement that generates Self. F.T. Mikhailov puts at the center the phenomenon of appeal (call), the essential parameters of which are interpreted as the oncoming movement of activity and communication, which justifies the installation of activity personalism, when the active voice of an action directed objectively turns into a passive, i.e. undergoing on itself and in itself, the pledge of the action of the non-subject, then I is not fixed as an object, since it is not "present", but it is the constitution of the world-encompassing I that puts in the center the phenomenon of education as child care. Conclusions.* *The logic of competition with the world, focusing on individual uniqueness, leads to a deadlock of powerlessness – an individualized self is possible as an appeal to the universal: as a renewal and revival of the experience of the classical heritage of thought and feeling, as*

a responsibility of everyone for a common destiny and the eradication of the experience of evil and hatred held according to Hegel on the edge of singularity.

Key words: *I, individualization, universal, education, childhood.*

Постановка проблемы. Что происходит с человеком, когда по отношению к себе самому он начинает употреблять вместо имени, которым его окликают окружающие его люди, местоимение «Я»? В определенной мере уже грамматика дает ответ, относя местоимение «Я» к личным местоимениям – называние себя «Я» указывает на личностное бытие, что сразу вызывает вопрос об уместном для этого процесса действии: возникающая личность рождается ли, творится ли, пробуждается ли, формируется ли, осознается ли – возможны иные глаголы, но за каждым из них стоит особенная активность человека, понятийно осмысляемая как деятельность. При этом существенно измерение Я, имеющее характер такого становления самим собой, когда возникновение происходит как сгущение в особенно-единичное существование некоторого всеобщего «раствора», что и грамматически, и по существу составляет природу творчества – «створачивания» молока в сгустки творога, выпадения кристаллов в перенасыщенном растворе при существовании некоторого не заданного внешними параметрами плана.

Этот образ возникает в силу неприятия страхов современного «продвинутого и креативного» деятеля: общее и всеобщее видятся угрозой его неповторимой индивидуальности. Можно понять откуда исходят эти страхи. Еще на заре рефлексивного осмысления себя человек осознает себя как микрокосм – в себе самом удерживающим порядок всеобъемлющего космоса, именно порядок мысли обособляет «травинку», открывая ее бесконечностям вверх («звездное небо над головой») и вглубь («моральный закон во мне»), но вся история человечества игнорирует особность существования человека и предстает гадким и банальным насилием, творимом сильными над слабыми, дурацкой грызней честолюбцев за власть и карьеристов за место под солнцем. Мыслящий тростник гнется и ропщет, вынашивая планы всемирного лидерства, когда всеобщее понимается «в логике тронных предписаний» (Бикбов, 2004, с. 37) – и тогда

интенция философии на всеобщее трактуется как «права философии на высшее научное господство» (Бикбов, 2004, с. 36).

За феноменом лидерства, которому рекомендуют научать пытающиеся руководить образованием властные (действующие в логике претензий на трон, а не ответственности за будущее) инстанции и настойчиво подсовывают его в виде компетенции, внедряемой в ученика учителем, стоит «война всех против всех», выиграть в которой и предлагают научить индивида. Отсюда опасение всего общего и обвинение всеобщего в посягании на единственного и неповторимого. Самое парадоксальное, что единственно оправданная и истинная позиция – это именно признание единственной неповторимости каждого человека, только вот откуда эта единственная неповторимость?

Цель статьи. При рассмотрении становления индивидуализированного Я внимание обострено вопросами: что предстает порождающим основанием уникальности Я, как возможно индивидуализированное Я?

Анализ последних исследований и публикаций. «Загадка человеческого Я» – книга Ф.Т. Михайлова (Михайлов, 1977), написанная в первой половине шестидесятых годов XX в., несколько раз переиздавалась, причем, к счастью, и в переводе на английский язык. «К счастью», поскольку именно этот факт «реабилитировал» советскую философию перед пытливым вопрошанием английского студента Дэвида Бэкхерста, а в дальнейшем и перед мировой философской мыслью. В качестве исходного достоинства книги Д. Бэкхерст (2010 г.) отмечает, что это «самое искусное и доступное изложение философской концепции, получившей на Западе название «традиции ТКИД (теории культурно-исторической деятельности)»» (Бэкхерст, 2010), однако ключевой идеей концепции называет персонализм. Речь не о принадлежности к школьно-академической рубрике, но о том, на что направлена мысль, которая всегда о чем-то – центральный предмет внимания «состоит в том, что психологические состояния и события могут законно приписываться только личностям. Как сказал бы Э.В. Ильенков: «Мозг не мыслит; мыслит личность с помощью мозга» (Бэкхерст, 2010). Загадка Я в буквальном смысле развернута в пространстве человеческой жизни, что и делает ее ускользающей – чувственно-сверхчувственной,

предметно-сверхпредметной, реально-идеальной, телесно-духовной, индивидуализированно-всеобщей. Пространство этого мира не схватывается контурами твердых тел: нахождение личности в библиотеке или пабе предполагает движение взгляда вверх и сквозь геометрию (в буквальном смысле – сквозь измерение земными метриками-координатами) тел, выделяя-нащупывая-воссоздавая то исходное начало, значимое для личности, привычно именуемое смысл.

Именно этот аспект становления человека, раскрытый Ф.Т. Михайловым, по-прежнему остается в поле зрения исследователей. В.Т. Кудрявцев (2005, 2006, 2020 гг.) неоднократно обращается к осмыслению концепта «обращение», удерживающего в себе и рефлексивное отношение к собственной субъектности, и расширение индивидуальной самобытности через свои креативные формы и воплощения в «пространстве культуры и времени истории» (Кудрявцев, 2005). Сохраняют актуальность идеи Ф.Т. Михайлова о необходимости связи педагогических теорий и философии (Возняк, 2008; Возняк, 2017; Bakhurst, 2020). Речь идет о таком аспекте образования, который исследует проблематику способа мышления, взятого не в инструментально-технологическом измерении, но в антропологическом ключе, когда вопросы образования поставлены в связь с сознанием человека (Лобастов, 2018б). Проблемы образования, поставленные в антропологическом ключе, рассматриваются исследователями, работы которых представлены в выпуске журнала *Education Society* Великобритании в 2020 г. (Bakhurst, 2020; Kern, 2020; Rödl, 2020). Стратегия, представленная авторами журнала, исходит из основополагающего значения в жизни человека образования, что предполагает осмысление его отношения к философии и, следовательно, тесно связаны с измерениями самосознания. Связь воспитания с идейным содержанием культурно-исторического бытия – сквозная линия становления человека (Лобастов, 2018а).

Основной материал. Название книги Ф.Т. Михайлова чрезвычайно удачно – оно привлекает множественностью смысловых коннотаций слова «загадка». Речь идет о бесконечности человеческой души, отмеченной еще Гераклитом. И это не пространственная бесконечность – хотя простирание всего, что

стало нашим миром, находится вовне нашего организма, это и есть пространство нашего Я: можно обратиться к словарю Ф.Т. Михайлова – наше восприятие мира имеет не отражающий, но порождающий характер (Михайлов, 2001б, с. 29), или взять формулировку из ранней книги – «сотворенное и творящее Я» (Михайлов, 1977, с. 11), которое вполне обоснованно многими считается главным предметом философии как специфического познавательного проекта, отличного от науки, в чем философия тесно сближается с искусством.

Примечательно, что человеческая жизнь чаще всего рассматривается в связи с научением и обучением, но строгое понятийное различие науки и искусства указывает на то, что жизнь человека не подлежит массовому производству по технологии, представляющей собой науку, воплощающуюся в жизнь, и скорее есть искусно созданным уникальным миром, хотя сюжет повторяется бесконечно. Что представляет собой главный предмет нашего творчества? Если именно творчество является мерой человеческого в человеке, то тем, кто не пишет стихов и картин, не открывает законов природы и не изобретает нужные человечеству вещи, отказано в человечности? Постановка вопроса свидетельствует о наивном объективизме, но только на первый взгляд такой наивный объективизм легко устраняется указанием на центральное задание человека – прожить свою жизнь как собственную, а не исполнять написанную кем бы то ни было роль. С какими действиями человека соотнесено становление самим собой, что составляет первичное основание личностно-человеческого, если мы уже приняли, что оно не дано никакими сценаристами и кукловодами? Что составляет архе человеческого бытия?

Первоначально сосредотачиваясь на проблеме возможности человеческого знания, Ф.Т. Михайлов выходит на вопросы образования, которые рассматриваются при сдвинутом от привычного контекста угле зрения – речь не о научении и наполнении пустой головы некоторым значимым содержанием, но об образывании в образовании самого себя в процессе общения людей, развернутого в реальном историческом времени, а не только в пространстве школьных помещений. Позже в работах появляется формулировка «изначальная креативность психики», «креативность самосознания», в которой сведены воедино два

разнонаправленных на первый взгляд измерения: креативность предполагает интенцию в реальный (даже объективный) мир за пределы самого себя, и самосознание – рефлексивное движение, обращенное на самого себя, но именно это противоречивое, становящее обоюдоострым, движение является порождающим для Я и составляет сущностную специфику образования. Обоюдоострым оно названо в силу того, что в обоих случаях возникает опасность редукции – урезания противоречивого процесса до понятной однолинейной логики. Вектор творчества в мир предполагает движение к *общеэзначимым* смыслам, подчинение и забвение своего Я при послушании призыванию и признанию, что умозаклучает к логике «смерти автора», безличного творчества, логике «винтика» в социальном агрегате – и тогда поиски своего Я предстают иллюзорной псевдопроблемой. Когда Г.Г. Шпет (1994 г.) не принимает позицию собственника личностного сознания, он подчеркивает «что само я, имрек, есть «носитель» не только своего «личного» сознания, но и общного. И он сам, конечно, различает, – хотя и не всегда это легко, – где он представляет «сам» *за себя*, и где он *за свою общину*» (с. 115). В этом различении основание неслиянности со своим пространством и временем при неизбежной погруженности в свою эпоху, нераздельности с ней.

Движение самосознания Ф.Т. Михайловым названо креативным, т. е. творящим как мир вокруг себя, так и самого себя, но логика самосознания неспособна обнаружить никакого Я. В философской транскрипции – это тезис Д. Юма, отмечающего невозможность наблюдать что-либо иное, кроме ощущения (Франк, 1997, с. 221). Ни обращенность в объективно-предметный мир (при этом предметы могут иметь характер чувственных вещей – столы, экскаваторы, компьютеры и иные обретения человеческого творчества, или чувственно-сверхчувственных – законы Архимеда, мелодии Перселла и все реально-идеальные «духовные» вещи), ни обращенность в себя не позволяют зафиксировать такую вещь, как Я. Однако, как точно сформулировано С. Франком:

«Я не нахожу в себе никакого я», содержит внутреннее противоречие. Если бы вообще не было никакого «я», то не было бы того, кто его ищет. Вполне естественно, что я не нахожу себя

в составе объектов – по той простой причине, что я есмь тот, кто ищет, – не объект, а субъект. Я не могу встретить мое «я» по той простой причине, что оно есть тот, кто *встречает* все остальное» (Франк, 1997, с. 221–222).

Я обретается в движении к другим: позволю свою транскрипцию евангельской формулы: находит себя тот, кто не хранит себя в укромной интимности Я, но в обращенности к истине теряет себя. Секулярный мир напуган религиозным фундаментализмом, к религиозному сознанию не обращается ни Феликс Трофимович, ни большинство мыслителей, принимающих аксиомы теории культурно-исторической деятельности (исключение – Г.С. Батищев), тем не менее пространство жизненных деяний и поступков многих из них выстроено по принципу благой вести о возможности преодоления корыстной языческой жизни в пользовании миром и «восхождении на небо». Символика неба отсылает к возможности «объять необъятное» – мир обнимается небом. Показательно, что активный и страдательный залог взаимно обращены – это встречное движение и составляет суть того, что характерно для человеческой деятельности, которая происходит не по мерке деятеля, т. е. не своекорыстна – мерой для нее выступают качества и параметры природно-космических процессов, но эти качества и параметры становятся составляющими человеческой жизнедеятельности – они составляют умения и способности человека, мера активности живого существа определена ими, что и делает человека универсально-безмерным, поскольку определяется человек не мерками собственного устройства, но деятельно-преображенным миром.

Упомянутый ранее обличитель властных интенций философии увидел бы в «восхождении на небо» претензии на трон, но в символической мировой культуре восхождение на небо сопряжено с полетом познания – отрывом от частной точки пространства и универсализацией своего видения. Я, опирающееся на установку индивидуализма, остается карликом, не обретающим себя. И обретаются истины такого становления Я только в формах диалектического движения мысли, совершаемой в пространстве мира.

Введенный термин «анагогия» имеет именно этот смысл преодоления узкой приватной частичности в восхождении ко

всеобщему – небо для всех одно, объемля мир земных индивидуаций и пределов, оно дарует реальное присутствие общности. Восхождение к собственному Я происходит как обретение способности входить в пространство всеобщего, это главное умение человека, устанавливающее его особенное бытие. И именно на этом пути поджидают множественные искусы.

Если судить по текстам и воспоминаниям о нем, фанатиком Феликс Трофимович не был. В известном споре-противостоянии сторонников деятельности и общения суть его позиции – не вступить в спор, но углубить основания, выполняющие роль аксиом обеих концепций, к чему и обращена формулировка «деятельностное общение», которая не просто сводит воедино изменение мира и отношение к другому как конституирующие человека энергии, но обретает у Ф.Т. Михайлова словесно-понятийное оформление: он говорит об *обращении*, в котором все чувственные предметы предстают носителями смысловесущих аффектов и эмоций, что и создает возможность человеческого Я (Михайлов, 2001в, с. 549–550).

Экспликация роли и значения понятия обращения увела бы в сторону от рассматриваемой темы, хотя очень заманчиво проследить и выявить движение этого понятия, выводящего за пределы уже существующих философских концепций, т. е. ставшего креативным принципом собственно Михайловской системы мысли. От слова, возникающего случайно и безотносительно к специальному смыслу в ранней «Загадке», оно движется до развернутого конкретно-всеобщего принципа, в своем смысловом движении способного схватить смысл вещи (проблему) в единстве речевого высказывания (Неретина, 2001, с. 306), т. е. становится концептом. Свое особенное значение концепт обретает в средневековом концептуализме, наиболее явно у П. Абеляра, не отбрасывающего крайние предельные позиции отношения к реальности всеобщего, но вводящего реализм и номинализм в единое пространство: концепт и есть мыслительная форма, универсалия, несущая в себе двойное существование – как в самих вещах, так и в уме человека.

То, что С.С. Неретина (2001 г.) отмечает в качестве одной из важнейших отличительных особенностей концепта – его единичность, индивидуальность и «предельную субъектность»

(Неретина, 2001, с. 307) – это и есть единично-особенное существование всеобщего как порождающего принципа. Общеизвестно, что для теории культурно-исторической деятельности неприемлема логика натурализма, о которой Ф.Т. Михайлов говорит как о таком движении мысли, когда определяющая причина движения и развития понимается как чьё-то воздействие извне, при этом он обращается к поискам причины внутренней, преобразующей единичный момент в существенно креативный фактор. При рассмотрении хода биологической эволюции он обращает внимание на понятие ароморфоза – такое изменение строения живого организма, которое становится новообразующим фактором, осуществляющим видообразование: от древнегреческого *ἀίρω* («поднимаю») и *μορφή* («форма»). Ф.Т. Михайлов (Михайлов, 2001а) замечает, что «появление человека на Земле можно объяснить лишь найденным его животным предком (в особых средовых условиях) и не характерным для биологии способом выхода из того тупика эволюции животных видов, в котором они оказались в результате последнего ароморфоза» (Михайлов, 2001а, с. 108), открытого А.Н. Северцовым. Ситуативное употребление слова «обращение» выводит из тупика противостояния деятельности и общения и становится объясняющим принципом, позволяющим выразить логику становления пространства живой жизни, которое понимается как интересубъективное.

Главное условие общности наших животных предков могло и должно было быть таковым – в этом смысле реально-идеальным. Реальным потому, что оно существует вне субъективности каждого отдельного индивида именно как реальность, как, если хотите, вещь; идеальным потому, что оно и не возникло бы, и не просуществовало бы сколь угодно долгое время иначе, как носитель смысла, не заключённого в самой его вещной форме, как чуждая самой его вечности форма эмоциональной остроты жизни индивидов и их общности (Михайлов, 2001а, с. 125).

Если для родо-видового становления человека ароморфическим предлагается принять ситуативный интеллект, то для становления человеческого Я эту роль выполняет обращение, при чем показательно вновь возникающее движение «вверх», осуществляемое в пространстве привычных для жизни форм взаимосвязей, поставленных на грань исчезновения. В ситуации

становления человеческого Я – это грань бытия и небытия, особенно выразительно, хотя и совсем житейски-просто засвидетельствованная феноменом детства, интерес к которому – обязательная черта теории культурно-исторической деятельности.

Именно при обращении к детству возможен ответ на вопрос «Что представляет собой главный предмет нашего творчества?». Краткий и выразительный путь к осмыслению этого вопроса можно продемонстрировать при рассмотрении ситуации, предложенной И.Ф. Михайловым. Излагая постановку проблемы мышления «критическими марксистами», он суммирует существенное для них содержание и делает вывод, в котором следует выделить следующие пункты. Если нет мышления вне и без творчества, то в процессе игры в шахматы человек мыслит тогда, когда меняет правила игры – в этом усматривается злая шутка «творчества», *сакрализованного*, как он утверждает, в 60-е гг. прогрессивными советскими философами. «Шутка» превращает «такую, в общем-то, рутинную вещь, как мышление, в задачу, которая по силам немногим гениям человечества. Да, каждый ребенок – Леонардо, пока он совершает подвиг освоения «культуры»» (Михайлов, 2015, с. 39). В дальнейшей же жизни, продолжает скептик, вчерашние гениальные младенцы «меняют многотрудную привилегию создания «новых форм и канонов» на уют рутинного функционирования. И это нормально! Если каждый своим «ходом» будет менять правило, то какая же это игра?» (Михайлов, 2015, с. 39). Соблюдая правила осторожности при вхождении в пространство мысли другого человека, отмечу несколько моментов.

Первое – это объективистское понимание творчества как изменения «правил игры», создание «новых форм и канонов», т. е. это то понимание творчества, о котором ранее уже шла речь. Рассматривающий эту проблему Н.А. Бердяев (1995 г.) различает объективацию и трансцендирование: первое – это обращение к миру наличной социальности, в котором происходит оформление пережитого открытия средствами культуры (возможно применить привычное для деятельностного подхода понятие опредмечивания), второе – предполагает иное движение, пресекающее существующий наличный мир в порыве и прорыве к миру, существующему по истине, и, хотя эти два движения не

разведены, они различены. Значимо его указание на действие расширения и универсализации самого человека (трансцендирование): легко увидеть объективированный результат творчества, который по-позитивистски можно наблюдать, измерять, использовать, передавать друг другу, но для видения происходящего в субъекте у нас нет измерительных приборов и воспринять его не так просто, но это не отменяет задание видеть, что в аффективной устремленности к смыслу создается пространство субъективности. И именно это наиболее значимое измерение творчества. Желая вывести его в пространство ясности, возможно различить рукотворное и нерукотворное измерения творчества (Лимонченко, 2017), возможно различение понятий *praxis* и *poiesis*, что делает Н. Лобковиц (1995 г.), который, опираясь на Аристотеля, разводит действие «делания» и «созидания» (Лобковиц, 1995, с. 99). Античный пример – игра на флейте и любое музицирование в отличие от строительства дома или корабля, когда явственно наличие деяний, ориентированных на такой результат, к которому возможно потом возвратиться, он засвидетельствован объективированным бытием: обостряя смысл, можно заметить, что *praxis* делает нечто с миром, *poiesis* – делает нечто с человеком.

И здесь возникает еще одно уточнение, значимое при рассмотрении «нашего любимого героя – ребенка»: акцент на творческом характере мышления свысока именуется «злой шуткой», поскольку, отвечая урок в классе, ребенок конечно же мыслит, но при этом ««формы и каноны» доказательства остаются теми же» (Михайлов, 2015, с. 40). К последним словам добавлено примечание: «Рассуждения в духе того, что ребенок пропустил их через себя и тем изменил, полагаю софистикой, поскольку для сообщества, к которому он обращается, не изменилось ничего» (Михайлов, 2015, с. 40). Как, неужели для сообщества ничего не изменилось при появлении мыслящего человека!? Разве для сообщества не значимо рождение мыслящего человека, с которым теперь возможно вступать в полноценный обмен мыслями? Чрезвычайно важны «новые формы и каноны», но гораздо более существенно для общества *появление нового субъекта мысли* – именно это и есть главное дело школы, образовывание человека. Отсюда тот трепет удивления, возникающий у взрослых

при общении с детьми. И мир, в отчаянии безразличия и бессилия отворачивающийся от этого, страшен.

В нашем мире исчезает спасительное пространство всеобщего со-чувственного и со-мысленного обращения и развернуто пространство конкурентной борьбы, в отличие от «полиса» жизни шестидесятников, представляющего всеобщее пространство их становления самими собой. Краткое рассмотрение полисных связей шестидесятников обязательно для нашей темы, но перед этим уместно привести размышление А. де Сент-Экзюпери (1961 г.), обращение к которому позволяет «навести резкость» и увидеть современность. Размышляя о необходимости пробуждения к жизни, он отмечает ложные пути такого пробуждения:

«Конечно, людей можно воодушевить, обрядив их в какую-нибудь форму. Они станут петь воинственные песни и преломят хлеб в кругу товарищей. Они найдут то, чего искали, ощутят единение и общность. Но этот хлеб принесет им смерть. Можно откопать забытых деревянных идолов, можно воскресить старые-престарые мифы, которые, худо ли, хорошо ли, себя уже показали, можно снова внушить людям веру в пангерманизм или в Римскую империю. Можно одурманить немцев спесью, от того, что они – немцы и соотечественники Бетховена. Так можно вскружить голову и последнему трубочисту. И это куда проще, чем в трубочисте пробудить Бетховена» (Экзюпери, 1961, с. 287).

Показательно, что «единение и общность» в наши дни целенаправленно принимается лишь в сфере политического действия массовых протестов и демонстраций, личностно-творческое становление себя происходит стихийно и остается приватным делом. Причем и при этой приватной озабоченности родителей развитием детей доминирует форма конкурентной борьбы.

И последнее, наиболее рискованное замечание по поводу приведенной цитаты И.Ф. Михайлова (Михайлов, 2015, с. 40), значимое для рассматриваемой темы, потому не могу его не высказать. Находясь внутри системы высшего образования, трудно не заметить двойственности центрального вектора реформ: творчески-активное (чаще называемое креативным) отношение к миру включено в такую структуру жизненных заданий, которая ориентирует на адаптацию – приспособительное действие вписывания себя в сколь угодно превратный мир. То, что

вырастающий ребенок должен уметь сохранять себя, – азбучная неопровержимая истина, но какой тип деятельности при этом является ведущим, что составляет ту евангельскую жемчужину, ради которой совершаются остальные действия? Если поверить на слово, то это «уют рутинного функционирования»: «подавляющее большинство вчерашних гениальных младенцев с легкостью меняют многотрудную привилегию создания «новых форм и канонов» на уют рутинного функционирования. И это нормально!» (Михайлов, 2015, с. 40). Уметь различать «трудности собственного онтогенеза» и действительные проблемы реального мира – чрезвычайно важное умение, однако при установке на «уют рутинного функционирования» исчезает реальный мир, а возникает экологическая ниша, в которую надо вписаться, и творчество начинает работать как изворотливость и хитрость, переходящие в подлость. Принимаемое в качестве основания человеческого бытия творческое отношение к миру иронически названо «сакрализацией», однако для «полиса» шестидесятников действительно характерна доминанта такого порядка космоса, который устроен по классическим принципам Истины, Добра и Красоты. Ныне классичность считается устаревшей, невежество перестает быть постыдным – признание в сфере публичности совсем не предполагает образованности, государственный чиновник спокойно откровенничает, что он вообще не читает книг, установка на своекорыстное извращение истории легализуется как постистория.

Выводы. Выводы могут быть краткими: акцент на собственной индивидуальной уникальности заводит в тупик бессилия – порождающим основанием уникальности Я предстает движение универсализации. Индивидуализированное Я возможно лишь как обращение ко всеобщему – как возобновление и возрождение опыта классического наследия мысли и чувства, как ответственность каждого за общую судьбу и искоренение опыта зла и ненависти, удерживаемых, по Г.В.Ф. Гегелю, на острие единичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация. *Царство Духа и царство кесаря*. Москва : Республика, 1995. С. 164–288.
2. Бикбов А. Философское достоинство как объект исследования. *Логос*. 2004. № 334 (43). С. 30–60.
3. Бэкхерст Д. Еще раз о «Загадке человеческого я». *Вопросы философии*. 2010. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=190&Itemid=52.
4. Возняк В.С. О натуре и культуре (размышления вместе с Л.С. Выготским). *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2017. № 2 (8). С. 52–69.
5. Возняк В.С. Співвідношення розсудку і розуму як філософсько-педагогічна проблема : монографія. Дрогобич : Редакційно-видавничий відділ Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка, 2008. 269 с.
6. Кудрявцев В.Т. О том, как философ Феликс Михайлов «лишил личности» ответственного комсомольского работника и не только об этом. *Вести образования*. 2020. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/6/6/culture/13376-o_tom_kak_filosof_feliks_mihaylov_lishil_lichnosti_otvetstvennogo_komsomolskogo_rabotnika_i_ne_tolko_ob_etom.
7. Кудрявцев В.Т. К 75-летию Ф.Т. Михайлова. *Вопросы психологии*. 2005. № 3. С. 151–153.
8. Кудрявцев В.Т. Философия и теоретическая психология Ф.Т. Михайлова. *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Психология»*. 2006. № 1. URL: <https://tovievich.ru/book/istoria/6742-vtkudryavcev-filosofiya-i-teoreticheskaya-psihologiya-ftmihaylova.html>.
9. Лимонченко В.В. Рукотворное и нерукотворное творчество: религиозные и светские аспекты. *Национальная стихия творчества: время и трансгрессия* : сборник статей / под ред. Г.Е. Аляева, О.Д. Маслобоевой. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 176–191.
10. Лобастов Г.В. В пространстве противоречий воспитания. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2018. № 1. С. 147–162.
11. Лобастов Г.В. Где твое сознание? *Философические эссе*. Усть-Каменогорск : Изд-во КАСУ, 2018. С. 45–62.
12. Лобковиц Н. От субстанции к рефлексии. Пути западноевропейской метафизики. *Вопросы философии*. 1995. № 1. С. 95–105.
13. Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. Москва : ИФРАН, 2015. 196 с.
14. Михайлов Ф.Т. Homo sapiens: культура и натура его бытия две парадигмы теоретического осмысления человеческого типа жизни.

От философии жизни к философии культуры : сборник статей. Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. С. 107–136.

15. Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого Я. Москва : Политиздат, 1977. 287 с.

16. Михайлов Ф.Т. Креативность самосознания. *Избранное* / Ф.Т. Михайлов. Москва : Индрик, 2001. С. 27–37.

17. Михайлов Ф.Т. Образование философа / Ф.Т. Михайлов. Москва : Индрик, 2001. С. 528–553.

18. Неретина С.С. Концепт. *Новая философская энциклопедия* : в 4-х т. Москва : Мысль, 2001. Т. II. С. 306–307.

19. Сент-Экзюпери А. Планета людей. *Сочинения*. / А. Сент-Экзюпери. Москва : Художественная литература, 1961. С. 172–293.

20. Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. *Реальность и человек*. Москва : Республика, 1997. С. 208–431.

21. Шпет Г.Г. Сознание и его собственник. *Философские этюды*. Москва : Прогресс, 1994. С. 20–116.

22. Bakhurst D. Teaching and Learning: Epistemic, Metaphysical and Ethical Dimensions – Introduction. *Journal of Philosophy of Education*. 2020. Vol. 54. № 2. P. 255–267. DOI: 10.1111/1467-9752.12418.

23. Kern A. Human Life, Rationality and Education. *Journal of Philosophy of Education*. 2020. Vol. 54. № 2. P. 268–289. DOI: 10.1111/1467-9752.12412.

24. Pritchard Duncan. Educating for Intellectual Humility and Conviction. *Journal of Philosophy of Education*. 2020. Vol. 54. № 2. P. 398–409. DOI: 10.1111/1467-9752.12422

25. Rödl Sebastian. Teaching, Freedom and the Human Individual. *Journal of Philosophy of Education*. 2020. Vol. 54. № 2. P. 290–304. DOI: 10.1111/1467-9752.12415.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A. (1995). Opyt eskhatologicheskoi metafiziki. Tvorchestvo i ob'yektivatsiya [The experience of eschatological metaphysics. Creativity and Objectification] In *Tsarstvo Dukha i tsarstvo kesarya – The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar*. (164–288). Moscow: Respublika Publ. [in Russian].

2. Bikbov, A. (2004). Filosofskoe dostoinstvo kak ob'yekt issledovaniya [Philosophical dignity as an object of study] In *Logos – Logos*, 334 (43), 30–60. [in Russian].

3. Bekkerst, D. (2010). Eshche raz o “Zagadke chelovecheskogo ya” [Once again about the “riddle of the human self”] In *Voprosy filosofii – Philosophy Issues*. Retrieved from http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=190&Itemid=52

4. Voznyak, V.S. (2017). O nature i kul'ture (razmyshleniya vmeste s L.S. Vygotskim) [On nature and culture (reflections with L.S. Vygotsky)].

In *Vestnik RGGU. Nauchnyj zhurnal. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"* – *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Science Magazine. Series "Psychology. Pedagogy. Education"*, 2 (8), 52–69. [in Russian].

5. Voznyak, V.S. (2008). *Spivvidnoshennyya rozsudku i rozumu yak filosof's'ko-pedagogichna problema: Monografiya* [The relationship between reason and intellectus as a philosophical and pedagogical problem: Monograph]. Drohobych: Redakcijnno-vidavnicij viddil Drogobic'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Ivana-Franka [in Ukrainian].

6. Kudryavtsev, V. (2020). O tom, kak filosof Feliks Mihajlov "lishil lichnosti" otvetstvennogo komsomol'skogo rabotnika i ne tol'ko ob etom. [About how the philosopher Felix Mikhailov "deprived the personality" of a responsible Komsomol worker and not only about that]. In *Vesti obrazovaniya – Lead education*. Retrieved from https://vogazeta.ru/articles/2020/6/6/culture/13376-o_tom_kak_filosof_feliks_mihaylov_lichil_lichnosti_otvetstvennogo_komsomolskogo_rabotnika_i_ne_tolko_ob_etom [in Russian].

7. Kudryavtsev, V. (2005). K 75-letiyu F. T. Mihajlova [To the 75th anniversary of F.T. Mikhailov]. In *Voprosy psihologii – Psychology issues*, 3, 151–153. [in Russian].

8. Kudryavtsev, V.T. (2006). *Filosofiya i teoreticheskaya psihologiya F.T. Mihajlova* [Philosophy and theoretical psychology F.T. Mikhailova]. In *Vestnik RGGU. Seriya "Psihologiya"* – RGGU Bulletin. Series "Psychology", 1. Retrieved from <https://tovievich.ru/book/istoria/6742-vtkudryavcev-filosofiya-i-teoreticheskaya-psihologiya-ftmihaylova.html> [in Russian].

9. Limonchenko, V.V. (2017). Rukotvornoe i nerukotvornoe tvorchestvo: religioznye i svetskie aspekty [Man-made and non-man-made creativity: religious and secular aspects]. In *Natsional'naya stikhiya tvorchestva: vremya i transgressiya : sbornik statei / pod red. G.E. Alyaeva, O.D. Masloboevoi – National element of creativity: time and transgression: collection of articles / ed. G.E. Alyaeva, O.D. Masloboeva*. (176–191). Sankt-Peterburg: SPbGEU Publ. [in Russian].

10. Lobastov, G. (2018a). V prostranstve protivorechij vospitaniya [In the space of upbringing contradictions]. In *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya – Economic, social and humanitarian research*, 1, 147–162. [in Russian].

11. Lobastov, G. (2018b). Gde tvoe soznanie? [Where is your consciousness?] In *Filosoficheskie esse – Philosophical essays*. (45–62). Ust-Kamenogorsk: KAFU Publishing House. [in Russian].

12. Lobkovits, N. (1995). Ot substantsii k refleksii. Puti zapadnoevropeiskoi metafiziki [From substance to reflection. Ways of Western European Metaphysics]. In *Voprosy filosofii – Philosophy Issues*, 1, 95–105. [in Russian].

13. Mikhailov, I.F. (2015). *Chelovek, soznanie, seti* [Man, consciousness, network]. Moscow: IFRAN Publ. [in Russian].

14. Mikhailov, F.T. (2001a). Homo sapiens: kul'tura i natura ego bytiya dve paradigmy teoreticheskogo osmysleniya chelovecheskogo tipa zhizni [Homo sapiens: culture and the nature of his being are two paradigms of theoretical understanding of the human type of life]. In *Ot filosofii zhizni k filosofii kul'tury: Sb. st. – From philosophy of life to philosophy of culture: Col. Art.* (107–136). Sankt-Peterburg: Aleteya. [in Russian].

15. Mikhailov, F.T. (1977). Zagadka chelovecheskogo Ya [The riddle of the human I]. Moscow: Politizdat Publ. [in Russian].

16. Mikhailov, F.T. (2001b). Kreativnost' samosoznaniya [Creativity of self-consciousness]. In *Izbrannoe – Selected Works.* (27–37). Moscow: Indrik Publ. [in Russian].

17. Mikhailov, F.T. (2001b). Obrazovanie filosofa [Education of a philosopher]. In *Izbrannoe – Selected Works.* (528–553). Moscow: Indrik Publ. [in Russian].

18. Neretina, S.S. (2001). Kontsept [Concept]. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. T. II – New philosophical encyclopedia: In 4 vol. Vol. II.* (306–307). Moscow: Mysl' Publ. [in Russian].

19. Sent-Ekzyuperi, A. (1961). Planeta lyudei [Planet of people]. In *Compositions.* (172–293). Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. [in Russian].

20. Frank, S.L. (1997). Real'nost' i chelovek. Metafizika chelovecheskogo bytiya [Reality and man. Metaphysics of human life]. In *Real'nost' i chelovek – Reality and man.* (208–431). Moscow: Respublika Publ. [in Russian].

21. Shpet, G.G. (1994). Soznanie i ego sobstvennik [Consciousness and its owner]. In *Filosofskie etyudy – Philosophical studies.* (20–116). Moscow: Progress Publ. [in Russian].

22. Bakhurst, D. (2020). Teaching and Learning: Epistemic, Metaphysical and Ethical Dimensions – Introduction. In *Journal of Philosophy of Education,* 54 (2), 255–267. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12418>

23. Kern, A. (2020). Human Life, Rationality and Education. In *Journal of Philosophy of Education,* 54 (2), 268–289. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12412>

24. Pritchard, Duncan. (2020). Educating for Intellectual Humility and Conviction. In *Journal of Philosophy of Education,* 54 (2), 398–409. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12422>

25. Rödl, Sebastian. (2020). Teaching, Freedom and the Human Individual. In *Journal of Philosophy of Education,* 54 (2), 290–304. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12415>

Стаття надійшла до редакції 24.03.2021